

1995 г.

М.В. ДЬЯЧКОВ

ОБ АССИМИЛЯЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ СОЦИУМАХ

ДЬЯЧКОВ Марк Владимирович - доктор филологических наук, профессор, заведующий лабораторией Института национальных проблем образования Министерства образования РФ.

Обеспечение сожительства различных этносов в пределах единого социума и стабильности общественного развития в нем представляет серьезную проблему для каждого полиэтнического государства, а таковые в мире составляют подавляющее большинство. Не случайно за последнее время появился целый ряд международных документов, обсуждающихся и уже одобренных, таких как «Защита этнических групп в Европе», принятая ООН Декларация прав лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, Европейская хартия региональных или миноритарных языков, открытая для

подписания на правах конвенции в рамках Совета Европы и др. Аналогичные документы разработаны и отдельными странами, скажем, «Основы законодательства Российской Федерации о правовом статусе коренных малочисленных народов», закон «О правах национальных и этнических меньшинств» в Венгрии и т.п. В ФРГ, об одной из малых этнообщиностей которой мы еще поведем речь, подобного законодательства на федеральном уровне не имеется, но в конституциях тех земель, где они проживают, есть соответствующие установления.

Все эти правовые акты и законодательные положения направлены на поиск способов гармонизации отношений, в которые повседневно вступают этносы. В стратегической перспективе наилучшим видится путь создания дружественной среды межэтнического общения без изменения полиэтничности социума [1, с. 11]. Достижение этой цели способствовало бы как удовлетворению этнокультурных и этноязыковых интересов всех граждан государства, так и сохранению его единства, целостности. Однако возникает вопрос, возможны ли последовательное продвижение по этому пути и реализация такой цели на практике? Пытаясь ответить на него, целесообразно рассмотреть хотя бы некоторые процессы в полиэтничных социумах.

Один из них - этническая ассимиляция, под которой понимается частичная или полная утрата индивидами, представляющими данный этнос (как правило, миноритарный и по численности, и по общественному статусу), национальных особенностей под воздействием количественно и социально доминирующего (мажоритарного) этноса, разрушения среды этнического обитания, интенсивной урбанизации. Частным случаем ассимиляции можно считать языковую, т.е. полную или частичную утрату родного языка. Конечной ее стадией является или смена этничности (обретение новых этнических свойств при полной или почти полной утрате исконных) или деэтнизация (утрата собственных национально-культурных и языковых черт без адекватной замены новыми). Последняя наиболее пагубна как для отдельной личности, так и для мировой культуры и человечества в целом, ибо она приводит индивидов к этнической, а следовательно, и социальной, маргинализации, к полуязычию, т.е. недостаточному владению каким-либо языком, а также сокращает и обедняет всемирный инвентарь этнокультурных и этноязыковых альтернатив. В качестве двух из многочисленных примеров деэтнизации укажем на формирование безэтнических «советских» людей в бывшем СССР (ни русские, ни украинцы, ни башкиры и т.п.) и «югославов» в бывшей СФРЮ [2, с. 223]. Понятно, что это не пошло на пользу культурному и социальному развитию обеих стран, пришедших к драматически неизбежному концу.

Другим, привлекающим внимание, процессом, степень интенсивности которого определяется конкретными социально-историческими условиями, служит межэтническая интеграция, как раз и обеспечивающая создание нормального климата для общения и сосуществования людей разных национальностей. Наличие межэтнической интегрированное™ индивида означает осознанную им (внутреннюю, а не навязанную) принадлежность к своему этносу и тесную психологическую, культурную, языковую связь с прочими, живущими бок о бок этносами. Это совсем не похоже на советскую или югославскую деэтнизацию. Двойная идентичность не может быть сформирована исключительно насильственными политическими средствами, она выступает следствием длительных усилий, предпринимаемых в русле этнопсихического сближения. В результате датчане, проживающие в германской части Шлезвига, чувствуют себя именно «немецкими датчанами», как себя и именуют, а не просто датчанами, которые, естественно, проживают в Дании. Когда после второй мировой войны в этой части страны был проведен плебисцит относительно возможной передачи ее Дании, подавляющее их большинство высказалось против данного предложения, которое так и не было осуществлено [3, S. 136]. Да и в наши дни позиция венгерских румын и словаков, также достаточно интегрированных в венгерский социум, зачастую вызывает недовольство и даже раздражение у националистически настроенных кругов Румынии и Словакии [4].

Вместе с тем известны этносы, длительное время активно ассимилируемые доминирующим мажоритарным этносом, но так и не вступающие на стезю межэтнической интеграции. Вообще, проблема соотношения между ассимиляцией и интеграцией в интересующем нас аспекте требует дальнейшего исследования; сейчас же отметим лишь, что иногда они обратно пропорциональны: интенсивнее ассимиляция - слабее интеграция и наоборот (сошлемся хотя бы на некоторые народы Северного Кавказа).

Нет спора, у каждого этноса своя история, но ведь ее изучение тем и интересно, что позволяет необходимые уроки прошлого использовать в настоящем.

Фризы, например, потеряли свою государственность еще в VIII в., когда их королевство было завоевано и присоединено к франкскому государству, правители которого понимали, что без интеграции этнического меньшинства не может быть достигнуто сколько-нибудь прочного

мира. Вот почему они обратились к христианизации и вовлечению фризов в экономическую жизнь государства [5, с. 223]. Задача облегчалась тем, что еще и до этого фризские купцы и мореходы принимали заметное участие в хозяйственной деятельности средневековой Европы, создавали свои опорные пункты на будущей германской территории, а первые христианские миссионеры уже начали проникать сюда [6, S. 3]. В XV в. северные фризы были включены а состав Саксонского королевства, с конца того же столетия их язык уступает немецкому функции административного делопроизводства, юриспруденции, богослужений, оставаясь средством общинного и семейного обихода. С тех времен фризы становятся двуязычными, и равной степени владеют как родным, так и немецким языками. Они широко участвуют и жизни Ганзейского союза городов и позднее - Шлезвигского герцогства. Причем одни более тяготеют к немцам, а другие - к датчанам. Так и до сих пор существует в ФРГ два фризские национально-культурных общества - Северофризский союз любителей отечества (с немецкой ориентацией) и Национальный союз фризов (с немецко-датской ориентацией). Ныне между этими двумя союзами наблюдается постепенное сближение.

Нельзя не подчеркнуть большую роль в активизации интеграционных процессов в полиэтнических государствах, принадлежащую единому образовательному пространству. Оттого, к примеру, различия школьных систем в ФРГ носят исключительно территориальный (земельный), но никак не этнический характер. При этом наличие высшей ступени (университетов, институтов) практически в любой федеральной земле позволяет каждой системе (не столь уж сильно разнящейся) предоставлять людям возможность получить подготовку самого высокого уровня без нарушения преемственности в ступенях образования. «Национальные» школы (фризские, датские, сербские) отличаются тут от чисто немецких всего-то добавлением в учебный план ряда предметов, включая родной язык.

Продолжим наши рассуждения, обратившись к Северному Кавказу. Его присоединение Россия осуществила в начале XIX в. Генерала П.М. Апраксина правомерно считать основателем Терской кордонной линии, несколько позднее развернувшейся от моря и до моря. По мере присоединения Северный Кавказ превращался в военный лагерь, гражданское развитие которого все откладывалось и откладывалось [7, т. 1, с. 25]. Еще в ту пору у нас не было недостатка в людях, сознававших необходимость интегрирования местных народов с самого начала, не отодвигая этого в далекое будущее, покорения их не оружием, а культурой, созданием учебных заведений, в том числе и кадетского корпуса, где кавказские юноши могли бы воспитываться вместе с русскими. Проекты такого рода поступали в императорскую канцелярию, однако оттуда прямым ходом без рассмотрения пересылались в Тифлис, а там подшивались в архив [7, т. 5, с. 6]. В 1826 г. созданная в Петербурге специальная комиссия по торгово-политическим сношениям с горцами разработала целый пакет мероприятий по сближению горских народов как с Россией, так и друг с другом посредством развития торговли и экономики края, которым, увы, так и не суждено было сбыться. Высказывались намерения и чисто военного плана, имевшие существенное интеграционное значение - формировать из горцев в массовом порядке воинские подразделения для использования их в частности, и в Европе. Предполагалось, что знакомство горцев с европейским образом жизни, единение с русскими однополчанами не могло не оказать на них цивилизационного воздействия, а тем самым способствовать интеграции в общероссийский социум. Но и эти наметки в то время не нашли поддержки, были реализованы гораздо позже в ограниченном объеме, вследствие чего не имели социального эффекта. Сосланный декабрист Михаил Орлов писал: «...на Кавказе идет вечная война, поскольку так же трудно поработить чеченцев и другие народы этого края, как сгладить Кавказ. Это дело исполняется не штыками, но временем и просвещением, которого и у нас не избыточно...» [8, с. 1051]. К сожалению, просвещением и культурой мы не очень баловали этот регион и впоследствии. Весьма пассивной здесь была и позиция Русской православной церкви.

И в более поздний дореволюционный период на Северном Кавказе преимущественно шла языковая и этническая ассимиляция образованной части местных этносов (переход на русский язык, ослабленное восприятие местных обычаев), а не интеграция в общероссийский полиэтничный социум.

Радикальные изменения в социальном бытии всей страны произошли после 1917 г. С самых первых лет новой власти была поставлена и начала осуществляться задача создания национальных школ, под которыми одни понимали школы, «в каком-то объеме использующие родной (нерусский) язык» [9, с. 53], а другие нечто более важное, содержание чего не определено однозначно до настоящего времени. В 1924 г. в Дагестане функционировала 151 национальная школа с общим числом 11 тыс. учащихся. В качестве языков обучения использовались аварский (в 12 школах), кумысский (в 31 школе), азербайджанский (в 30 школах).

лакский (в 1 школе), татский (в 1 школе), даргинский (в 2 школах) [10, с. 166-167]. Возможно, этого было и недостаточно, но это первый шаг для сохранения и развития местной этнической культуры. Несмотря на переживаемые страной серьезные экономические трудности для нее выделялись посильные средства. Ретроспективно основную беду национальных школ можно видеть в том, что в их учебных планах не уделялось внимания интеграционному компоненту, воспитанию сознания межэтнического единства северокавказских народов между собою и с русским народом. А противостояли формированию такого сознания как мусульманское духовенство, так и другие узконационалистически настроенные круги через систему мусульманских медресе, которых, например, в Чечено-Ингушетии в 1929 г. было 32, а также через общественное мнение. К такому противостоянию следует добавить еще и отсутствие общего подхода к языковому и культурному строительству: то вводились новые латинизированные алфавиты как для бесписьменных языков, так и для уже имевших графику на арабской или русской основе, то эти алфавиты в экстренном порядке заменялись на русифицированные, то местные языки вводили для изучения в школе, то объявляли неперспективными и вообще лишали письменности. Все это, понятно, никак не подталкивало северокавказские народы к интеграции в общероссийский полиэтничный социум.

В 1930-е годы национально-языковая политика в СССР претерпела существенные изменения. В известной степени сигналом для этого послужило постановление ЦК ВКП(б) в СНК СССР от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». Собственно сам по себе текст постановления не содержал положений, которые прямо ущемляли бы местные языки, возможно, его составители и надеялись на то, что оно будет способствовать межэтнической интеграции, но его практическое осуществление открыло «полувековой период ограничения сферы функционирования родных языков в образовании» [9, с. 54]. В итоге получило распространение явление, о котором говорилось выше: языковая и этническая ассимиляция без межэтнической интеграции. После перехода к системе «среднего политехнического образования» идеи выхолащенного безэтнического и безликого интернационализма в значительной мере способствовали дезинтеграции, причем не только этносов, составляющих меньшинство населения, но и самих русских, не создавая никаких предпосылок для межэтнической интеграции. А о попытках интегрировать этносы, подвергшиеся репрессиям со стороны режима, не приходилось и говорить. Единое образовательное пространство было в целом создано, русский язык был лингвистически неграмотно объявлен «вторым родным языком» народов СССР, однако все это в том виде, в каком оно существовало, ничуть не способствовало достижению необходимого единения. Более того, громадное число нерусских так и не освоили свой «второй родной».

После распада СССР проблема межэтнической интеграции не утратила своего значения. Нам еще далеко до того, чтобы все нерусские граждане Федерации, помимо принадлежности к своему этносу, считали бы себя также и россиянами. Надо честно признать, что процесс суверенизации, немало отрицающий интеграцию, привел к разрушению относительно целостного российского образовательного пространства. Если предшествующий период знаменовал собою большую или меньшую степень ассимиляции, то в настоящее время на авансцену выступает дезинтеграция. Причем, конечно, дезинтеграционные явления происходят не только в сфере образования, но именно эта сфера при соответствующих условиях могла бы существенно способствовать замедлению и обращению таковых вспять. Как представляется, одной из целей принятого в июле 1992 г. российского закона «Об образовании» и было устранение дезинтеграции в образовательном пространстве. В законе предусматривается создание государственных образовательных стандартов, включающих федеральный и национально-региональный компоненты (статья 7, раздел I) [11]. За прошедшие после его принятия два с половиной года развитие пошло не совсем по тому пути, как предполагалось. В ряде республик РФ достаточно оперативно были приняты во многом отличающиеся друг от друга национально-региональные стандарты, тогда как на федеральном уровне сумели подойти к разработке (и то не до конца) лишь концепции федерального стандарта. В результате пока об интеграционном процессе в системе образования говорить не приходится, более того, в республиках по-своему определяют объем преподавания русского, иностранных языков, предметов естественно-математического цикла. К тому же и сам формирующийся подход к национальной школе, на мой взгляд, не вполне содействует межэтнической интеграции. Если в 1918 г. в постановлении правительства национальная школа рассматривалась как обслуживающая меньшинство населения, отличающегося бытовыми особенностями, использующим родной язык, изучающая национальную литературу и историю этноса, то теперь руководство Министерства образования признает необходимость «существования множества образовательных систем (национальных школ), обеспечивающих единый государственный образо-

вательный стандарт, но при этом транслирующих также национальную культурную традицию, формирующих не гомо советикуса, а этнокультурно сориентированную личность, способную к творческому саморазвитию в поликультурном открытом мире» [12, с. 11-12]. Не будем спорить, намерения хороши, но все же вряд ли на практике возможно обеспечить таким образом межэтническую интеграцию «этнокультурно сориентированных личностей» ныне, в обстановке высокой децентрализации в России.

В межэтнических отношениях современной российской действительности преобладающим можно считать процесс дезинтеграции, носящий «ока частично скрытый характер. В такой ситуации больше встает вопросов, чем имеется ответов. Поэтому для дальнейших размышлений важно четко сформулировать эти вопросы, прежде всего: целесообразно ли в наши дни существование в составе РФ республик, именуемых «суверенными», во многих из которых титульное население составляет очевидное меньшинство?: правомерно ли декларативное и далеко не всегда реально воплощаемое предоставление титульным языкам в этих республиках статуса государственных, если по всем международным стандартам они являются миноритарными?; нужна ли осуществляемая сегодня широкая децентрализация системы управления образованием? и т.д. Вероятно, все эти достаточно частные вопросы сводятся к одному общему: считают ли себя миноритарные этносы, исконно проживающие на территории Федерации, россиянами не по гражданству, а по духу, и если нет, то какова же ее сущность? Несмотря на всю сложность, ответы должны быть найдены без излишних затяжек. События в Чечне еще раз свидетельствуют об этом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ешич М.Б.* Развитие системы образования в многонациональной Югославии // Образование в мире. Вып. 4. М.: ИНПО. 1994.
2. *Функционирование языков в многонациональном обществе /* Материалы международного коллоквиума «Функционирование языков в многонациональных странах». М., 1941.
3. *Hansen I. et al.* Minderheiten im deutsch-dänischen Grenzbereich. Kiel. 1993.
4. *Чаба Т.* Современные проблемы защиты прав меньшинств в их международном аспекте. (Ротатор). 1994.
5. *Лебек С.* Происхождение франков. 5-11 века. Т. 1. М.: Скарабей, 1993.
6. *Kleine Geschichte Nordfriclands und der Friesen.* Bredstedt: Verlag Nordfriisk Instituii, 1982.
7. *Потто В.А.* Кавказская война. Т. 1—5. Ставрополь, 1994.
8. *Эйдельман Н.Я.* Быть может за хребтом Кавказа... М.: Наука, 1990.
9. Программа стабилизации и развития российского образования в переходный период. М.: Мин. обр. РФ, 1991.
10. *Исаев М.И.* Языковое строительство в СССР. М.: Наука, 1979.
11. Закон РФ «Об образовании» // Российская газ. 1992. 31 июля.
12. *Бацын В.К., Кузьмин М.Н.* Национальные проблемы образования в Российской Федерации. М., 1994.